

Философская полемика В.И. Ленина и А.А. Богданова в контексте внутрипартийной борьбы в РСДРП

Алла Морозова

**Philosophical debates of V.I. Lenin and A.A. Bogdanov
in the context of internal party struggle in RSDLP**

Alla Morozova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009254-0

Вынесенная в заголовок тема многократно становилась предметом изучения представителей различных гуманитарных специальностей, прежде всего философов. Она, как правило, расценивалась как одна из главных, если не главная причина распада дуумвирата, который стоял во главе большевистской фракции в годы Первой российской революции 1905—1907 гг. Однако среди исследователей нет единодушия в том, какие именно разногласия — мировоззренческие, политические, личные или финансовые — стали определяющими. Представляется важным взглянуть на философскую полемику В.И. Ленина и А.А. Богданова в контексте их разрыва, ответить на вопрос: сыграли ли разногласия в этой сфере какую-либо роль в распаде тандема или же, напротив, оказались «вытащены на свет Божий» в тот момент, когда разницу политических позиций стало невозможно преодолеть. В кратком обзоре я постараюсь представить основные позиции сторон, хотя, разумеется, не претендую на исчерпывающую полноту.

Советская историография всегда подчёркивала ревизионистский характер сочинений Богданова и гениальность Ленина-философа, давшего ему должный отпор. При этом замалчивались как откровенная слабость «Материализма и эмпириокритицизма» именно с философской точки зрения, так и недопустимый для научной работы тон полемики. Последний порой даже оправдывался необходимостью жёсткого размежевания с «искажителями истинного марксизма». Между тем на эти особенности ленинской позиции обратили внимание уже первые рецензенты — М. Булгаков, И.А. Ильин, Л.И. Аксельрод (их работы публиковались в приложениях к первым трём изданиям собрания сочинений Ленина¹). О том же писал и сам Богданов в своём ответе на «Материализм и эмпириокритицизм»: «Подведём итоги философскому трактату В. Ильина.

© 2020 г. А.Ю. Морозова

¹ Из рецензии М. Булгакова на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» (Критическое обозрение. 1909. Вып. V, сентябрь) // *Ленин В.И.* Собрание сочинений. Изд. 3. Т. 13. М., 1928. С. 326—328; Рецензия Ив. Ил-на (И.А. Ильина) на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» (Русские ведомости. 1909. 29 сентября) // Там же. С. 328; Рецензия Ортодокс (Л.И. Аксельрод) на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» (Современный мир. 1909. Июль, № 7) // Там же. С. 329—333.

Мы видели в нём массу противоречий; но “диалектические” ли они? Внешний вид глубочайшей учёности — и не менее глубокое невежество на самом деле. Постоянные обвинения противников в “неприличии”, в “литературном наездничестве” — и необычный даже для наших отечественных нравов лексикон ругательных слов. Обозначение всех оппонентов как “философских реакционеров”, и самая застойная тенденция, самая злая ненависть ко всяким без различия “новшествам”².

Позже, в «юбилейном сборнике» «Десятилетие отлучения от марксизма», подготовленном к печати, но не вышедшем в свет в 1914 г., Богданов характеризовал философскую книгу Ленина так: «Всякий специалист сразу заметит, что эта толстая книга — плод нескольких месяцев неумелой библиотечной работы... Автор запутался в хаосе своих цитат и полупрочитанных или просмотренных авторов. Запутался до того, что по главным вопросам, которым посвящена его книга, защищает на её протяжении *несколько различных взглядов...* по *двум* основным вопросам *шесть* мнений. Можно сказать — один философ, который стоит трёх!.. Зато избежать отлучения у Ильина особенно трудно. Согласишься для этого с каким-нибудь его мнением, а он отлучит на основании других своих мнений по тому же вопросу. Не увернёшься»³.

В настоящее время большинство исследователей отвергло точку зрения, высказанную, в частности, К. Бейлзом, согласно которой основной причиной раскола между Лениным и Богдановым стали их философские споры⁴. Так, Ю. Шеррер считала, что «работа Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”, которая может быть осмыслена лишь с учётом политической ситуации, сложившейся к моменту её написания (“книга является составной частью какой-то процедуры”, — утверждает Паннекук), практически не играла никакой роли в рассматриваемом конфликте. Она приобрела значение лишь в 20-е годы, особенно вскоре после смерти Ленина, в связи с дискуссией о партийности философии». Более того, она задавалась вопросом, «имеют ли вообще философские расхождения между Лениным и Богдановым принципиальное значение в конфликте 1909 г. или же они используются против Богданова в этот момент по тактическим соображениям?». В заключение исследовательница пришла к выводу, что, «хотя “Материализм и эмпириокритицизм” и направлен против Богданова, в нём не содержится углублённого обсуждения его позиций — как, например, в книге Плеханова “Materialismus militans”, — при котором нельзя было бы обойтись без анализа его теории пролетарской революции. Иными словами, анализ, содержащийся в “Материализме и эмпириокритицизме”, вносит крайне скудный вклад, если не сказать — никакого вклада, в понимание действительных политических и тактических разногласий между Лениным и Богдановым. Однако этот анализ полезен для понимания сущности ленинской переработки диалектического материализма в новый период развития естественных наук по сравнению с эпохой, в которую творил Энгельс. Философская мысль, изложенная в “Материализме и эмпириокритицизме”,

² Богданов А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910.

³ Неизвестный Богданов. Кн. 3. А.А. Богданов: десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904—1914. М., 1995. С. 94—97.

⁴ Bailes K.A. Lenin and Bogdanov: the end of the alliance // Columbia Essays in International Affairs. N.Y.; L., 1967. P. 108.

не развивается в ходе точного и естественного сопоставления с философской проблемой, а преследует цели практического и политического характера»⁵.

Дж. Биггарт отмечал, что «Ленин пойдёт на дискредитацию Богданова как марксиста именно для того, чтобы отстоять свои позиции внутри большевистского руководства. И этот демарш имел то преимущество, что он способствовал политическому сближению с “ортодоксальным” марксистом Плехановым»⁶. Ю.П. Шарапов подчеркнул, что «непосредственным толчком к написанию ленинского “Материализма и эмпириокритицизма” стал вышедший в 1908 г. сборник статей “Очерки философии марксизма”, но «именно толчком, импульсом, так как философские разногласия Ленина и Богданова проявились раньше. Однако они не мешали их совместной работе и борьбе в годы Первой русской революции. Когда же Ленин и Богданов разошлись по основным вопросам стратегии и тактики большевистской партии, Ленину нужен был серьёзный повод для критики Богданова и последующего разрыва. Этим поводом и стали философские разногласия. Причина их появления не столько идейная, научная, сколько политическая». Цитируя письмо Ленина М. Горькому от 25 февраля 1908 г., содержащее первый отзыв на этот сборник, исследователь обратил внимание на ленинские выражения «озлился, взбесился» и «бесновался от негодования», справедливо отметив: «На первый взгляд, вроде, ничего особенного, ведь это письмо, а не рецензия и не статья. Но всё же... Ясно, что эмоциональное отношение к проблеме преобладало над рациональным. Какая уж тут наука!»⁷ М.В. Локтионов указал, что «согласно утверждению самого Богданова, в его обращении к Бакинской организации РСДРП отмечено: “Мой уход из редакции никоим образом не связан с философскими разногласиями”»⁸.

П.А. Плутто также считал, что «философские споры, вылившиеся в ленинском “Материализме и эмпириокритицизме”, явно были простым предлогом», но обратил внимание на характер тандема Ленина и Богданова, назвав его «блоком между двумя авторитарностями»⁹. С последним выводом трудно согласиться, ибо если об авторитарном характере Ленина говорили и писали многие современники и исследователи, то Богданова в этом упрекнуть сложно. Хотя хорошо знавший его А.В. Луначарский и полагал, что «как человек воли, как организатор Богданов обладал теми же отмеченными монументальными и вместе с тем рискованными, беспокоящими чертами слишком ярко выраженной воли, нечувствительно для него самого переходившими в своеобразный деспотизм», но при этом известно, что с авторитетами и авторитарностью он сражался с самого детства. Недаром тот же Луначарский называл его «одним из законченнейших коллективистов», поясняя: «Конечно, он сознавал себя сильным и умным. Конечно, он стремился поэтому руководить. Тем не менее всякое честолюбие было ему чуждо. Он как-то органически расценивал и себя, и других как фундамент человеческого общества, как преходящие моменты истории, как клетки всечеловеческого и прежде всего всепролетарского орга-

⁵ Шеррер Ю. Богданов и Ленин. Большевизм на распутье // История марксизма. Т. 2. Марксизм в эпоху Интернационала / Пер. с итал. Вып. 2. М., 1981. С. 69, 115—116.

⁶ Биггарт Дж. Предисловие // Неизвестный Богданов. Кн. 2. А.А. Богданов и группа «Вперёд». 1908—1914 гг. М., 1995. С. 10.

⁷ Шарапов Ю.П. Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию. N.Y., 1999. С. 27, 30.

⁸ Локтионов М.В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М., 2018. С. 109.

⁹ Два письма «вице-лидера» большевизма / Публ. и вступ. ст. П.А. Плутто // Вопросы литературы. 1993. № 2. С. 339—340.

низма»¹⁰. И можно согласиться с выводом А.В. Луценко, что «Богданов не был организатором раскола — он был одним из числа тех многих, кто не во всём соглашался безоговорочно с вождём большевиков»¹¹.

На мой взгляд, философские разногласия использовались лишь как прикрытие в политической борьбе. Это, разумеется, не значит, что их не имело. Но ведь отодвигали же философию в сторону, когда в политике было единое! Ленин признавался, что «за сочинениями Богданова по философии следил с его энергетической книги об “Историческом взгляде на природу”», а при знакомстве в Женеве они «презентовали друг другу» свои публикации: Ленин подарил «Шаг вперёд, два шага назад (Кризис в нашей партии)», Богданов — «одну свою *тогдашнюю* философскую работу»¹² (первый том «Эмпириомонизма»). Н. Валентинов, впрочем, указал, что Ленина подвела память, ибо, встретившись с Богдановым в феврале 1904 г., он «не мог ему в этот момент “презентовать” “Шаги”. Эту вещь он только начал писать и вышла она из печати в половине мая»¹³. Но сути дела это не меняет: «тотчас же (весной или в начале лета 1904 г.)» Ленин писал Богданову, что он его «своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова»¹⁴.

Тем не менее, будучи прагматиком, Ленин «закрыв глаза» на философские разногласия, и осенью 1904 г. они «окончательно сошлись с Богдановым, как *беки*, и заключили тот молчаливый и молчаливо устранивший философию как нейтральную область блок, который просуществовал всё время революции и дал... возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии, которая... была единственно правильной»¹⁵. Причина заключалась в том, что к моменту появления в центре социал-демократической эмиграции в начале 1904 г. Богданов был уже известен как убеждённый марксист и талантливый литератор и «имел обширные литературные связи в Петербурге и в Москве, в частности, с М. Горьким». А «около Ленина, твёрдо решившего организовать свою партию, не было ни одного крупного литератора, даже правильнее сказать, кроме Воровского, вообще не было людей пишущих. Богданов, объявивший себя большевиком, был для него сушей находкой и за него он ухватился. Богданов обещал привлечь денежные средства в кассу большевизма, завязать сношения с Горьким, привлечь на сторону Ленина вступающего в литературу бойкого писателя и хорошего оратора Луначарского (женатого на сестре Богданова), Базарова, молодых марксистствующих московских профессоров»¹⁶.

Считая Богданова ценным приобретением для большевистской фракции, Ленин «сугубо ухаживал» за ним. В то же время «Владимир Ильич, привлекая Богданова, определённо» говорил всем большевикам, что они «должны твёрдо помнить, что с философией Богданова» они «не согласны, что надо воздерживаться не только вступать в споры, но даже говорить с Александром Алексан-

¹⁰ Луначарский А.В. А.А. Богданов [некролог] // Правда. 1928. 10 апреля.

¹¹ Луценко А.В. Александр Александрович Богданов: теоретик и практик РСДРП. Северск, 2003. С. 110.

¹² Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 47. М., 1975. С. 141.

¹³ Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1981. С. 176.

¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 141—142.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 322.

дровичем на эти темы, о чём ему так и сказать наперёд, чтобы не могла возникнуть полемика на этой почве, когда вся энергия должна была быть направлена на внутрипартийные вопросы и на постоянно возникавшие всё новые и новые вопросы революционной борьбы». Более того, при обсуждении в женевской большевистской группе по предложению Ленина было решено ни Богданова, «ни других, более или менее с ним солидарных в философских вопросах товарищей, отнюдь, не отталкивать, так как во всех остальных вопросах в то время они шли совершенно в ногу с большевистской фракцией социал-демократической партии, но философских споров с ними не затевать»¹⁷.

В ходе переговоров об издании одной из брошюр Богданова В.Д. Бонч-Бруевичу было поручено заявить, что хотя «фракция не приемлет его философских воззрений», но охотно будет работать с ним и принимает его в свою среду, «раз он согласен с... большевистской точкой зрения по вопросам съездовской полемики, но “минус его философия”». Условились, что по философским вопросам Богданов «никаких споров поднимать не будет, а равно и выступать на собраниях с изложением своей философской системы, или участвовать в устной или в печатной полемике по этим вопросам, тем более в партийной прессе, и что для этих философских вопросов страницы нашей партийной печати будут совершенно закрыты». Он «вполне принял эту... точку зрения и выполнил в то время все взятые на себя обязательства пунктуально честно, никогда не поднимая разговоров об эмпириокритицизме даже в частных беседах»¹⁸.

Во время подготовки и проведения III съезда РСДРП и затем «в горячке революции» «философией заниматься приходилось мало»¹⁹ и философские разногласия в отношении двух лидеров большевистской фракции не вмешивались. Они всплыли на поверхность летом 1906 г., когда Богданов вновь «презентовал» Ленину свою книгу — третий том «Эмпириомонизма». Прочитав его, Ленин «озлился и взбесился необычайно», так как ему стало отчётливо ясно, что Богданов «идёт архиневерным путём, не марксистским». Ситуация усугублялась тем, что в это время они были соседями. Любопытно, что в «Биохронике» Ленина отмечено лишь, что «*позднее 20 августа (2 сентября) [1906] — не позднее 20 ноября (3 декабря) 1907 г.* Ленин живёт в Финляндии, в Куоккала, на даче “Ваза”, занимаемой большевиком Г.Д. Лейтейзенем и его семьёй»²⁰. И ни слова о том, что они с Н.К. Крупской жили на первом этаже, а Богданов с женой — в мезонине, на который вела лесенка, находившаяся в конце коридора²¹.

Ленин написал Богданову «“объяснение в любви”, письмо по философии в размере трёх тетрадок», в котором заявил, что он, «конечно, *рядовой марксист* в философии», но что именно «ясные, популярные, превосходно написанные работы» Богданова убеждают «окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова». Ленин даже собирался напечатать эти «тетрадки» под заглавием «Заметки рядового марксиста о философии», «но не собрался», о чём впоследствии жалел²². Валентинов утверждал, что это послание «содержало так мало знания философии и столь много оскорбительных для Богданова слов,

¹⁷ Бонч-Бруевич В.Д. Женевские воспоминания // Под знаменем марксизма. 1929. № 1. С. 37.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 142.

²⁰ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. М., 1970. С. 272.

²¹ [Воспоминания Ц.Г. Лейтейзен] // Ленин. Годы великого пролога. 1905—1907. М., 1984. С. 281—282.

²² Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 142.

что последний возвратил его Ленину с указанием, что для сохранения с ним личных отношений следует письмецо считать «ненаписанным, неотправленным, непрочитанным»²³. По мнению Бонч-Бруевича, «только особой выдержкой А.А. Богданова, наверно чувствовавшего и знавшего, что всякая попытка совлечения партийной мысли на рельсы его философских рассуждений тотчас же встретит жестокий отпор со стороны Владимира Ильича и других ортодоксальных марксистов, можно объяснить, что он твёрдо выполнял условие совместной работы и в партийных рядах нигде не выступал со своими эмпириомонистическими представлениями»²⁴. Вновь к «Заметкам рядового марксиста» Ленина «потянуло» в 1908 г., когда он стал читать «Очерки философии марксизма», в которых были напечатаны статьи В. Базарова, Я. Бермана, А. Луначарского, П. Юшкевича, А. Богданова, О. Гельфонда и С. Суворова. Он просил разыскать свои «тетрадки» в Питере, но успехом эти поиски не увенчались. Вот тогда-то он и начал писать «Материализм и эмпириокритицизм», а в процессе чтения «Очерков» свои впечатления Богданову «излагал прямо и грубо»²⁵.

Почему же именно в это время Ленин решил дать бой давнему оппоненту? Что стало основной причиной разрыва, если не философские споры, внешне выносившиеся на первый план? Большинство исследователей видит её в различной трактовке тактической линии партии после поражения революции 1905—1907 гг. По мнению Шеррер, «разрыв Ленина с Богдановым коренится в оценке политической ситуации, сложившейся после роспуска Второй думы в сентябре 1907 г. Разногласия развернулись по вопросу об участии в выборах в Третью думу»²⁶. Г. Горцка писала: «В 1909 г. между Лениным и Богдановым произошёл разрыв, вызванный вопросом о том, должны ли большевики принимать участие в III Думе. Богданов, настаивая на более радикальной позиции — выходе из Думы и форсировании революционного движения путём подпольной деятельности, — в 1910 г. был исключён из Центрального комитета большевистской партии». Впрочем, она полагала также, что проблема оказалась шире, и «разногласия между Богдановым и Лениным в 1908—1909 гг. не ограничивались однако лишь вопросами партийной тактики. Откладываемая Лениным по тактическим соображениям дискуссия вокруг философских работ Богданова ждала своего часа»²⁷.

Очень близки выводы исследователей А.В. Луценко и М.В. Локтионова. Первый считал, что «первоначальной причиной разногласий Ленина с Богдановым было противостояние по тем стратегическим и тактическим вопросам большевистской фракции, которые являлись главным предметом дебатов в самой партии, а вовсе не “ревизионизм”, приписываемый Богданову после выхода в свет его “Эмпириомонизма”»²⁸. Второй подчёркивал, что «изначально основной причиной разногласий Ленина и Богданова было противостояние по ключевым стратегическим и тактическим критериям фракции большевиков. Это противостояние отражало несоответствия в анализе изменений, которые произошли в России во время первой революции и имели отношение к

²³ *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 323.

²⁴ *Бонч-Бруевич В.Д.* Женевские воспоминания. С. 41.

²⁵ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 47. С. 142—143.

²⁶ *Шеррер Ю.* Богданов и Ленин. Большевик на распутье. С. 66.

²⁷ *Горцка Г.* Предисловие // Неизвестный Богданов. Кн. 1. А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901—1928. М., 1995. С. 5.

²⁸ *Луценко А.В.* Александр Александрович Богданов... С. 99.

интеллигенции и её роли в социал-демократическом движении. Эти вопросы являлись краеугольным “камнем преткновения” в партийных дебатах, а не “ре-визионизм”, который приписывали Богданову после того, как в свет вышла его книга “Эмпириомонизм”»²⁹.

Несколько иначе расставил акценты О.В. Щёлоков, проанализировавший внутрипартийную борьбу в РСДРП в 1906—1911 гг. с точки зрения «проблемы лидерства и обновления руководства». Отталкиваясь от воспоминаний Валентинова, который «отчасти связывал выход разногласий по проблемам философии на авансцену идейно-теоретической борьбы у большевиков с обострением дискуссии о думской тактике РСДРП», исследователь высказал «следующие предположения. Возможно, поддерживая миролюбивые отношения с Богдановым, Луначарским и другими партийными идеологами, Ленин думал о “разделении труда” в руководстве партии. Он мог взять на себя оргработу, партийную прессу и разработку партийной тактики. Научными изысканиями в области марксизма и разработкой партийной идеологии могли заниматься Богданов, Луначарский и другие большевики, склонные к исследовательской и литературной работе. Но когда работы Богданова, Луначарского и других исследователей и литераторов из большевистской фракции стали выходить одна за другой и приобретать в партийной среде всё большую читательскую аудиторию, не замечать их было уже невозможно. А поскольку Ленин не был согласен с философской “начинкой” беспокоивших его книг и статей большевиков-оппонентов, рано или поздно конфликт должен был выйти на поверхность. Ленину, державшему “дирижёрскую палочку” во фракции, нечего было противопоставить Богданову и Луначарскому в области философии. Между тем их популярность в социал-демократической среде возрастала. О “разделении труда” уже нельзя было и думать. И тогда после рассуждений о себе как “рядовом марксисте в философии” Ленин должен был подтвердить своё первенствующее положение в большевистской фракции и философскими достижениями. На фоне названных обстоятельств и родилась книга “Материализм и эмпириокритицизм”. Таким образом... помимо тактических разногласий существовали и серьёзные идейно-теоретические расхождения, и Ленин, видимо, понимал, что свои лидерские позиции он не может уступить другим большевикам»³⁰. Эта точка зрения находит подтверждение в письме Ленина Горькому (1908): считая «некую драку между беками по вопросу о философии» «совершенно неизбежной», лидер большевиков в то же время утверждал, что «раскалываться из-за этого было бы... глупо», так же, как было бы «непростительной глупостью» «мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм». Поэтому «подражаться из-за философии» нужно так, чтобы «“Пролетарий” и беки, как фракция партии, не были этим задеты»³¹.

Особняком стоит статья А.Е. Рыбаса, посвящённая философскому со-держанию полемики Ленина и Богданова, развернувшейся после публикации «Эмпириомонизма». В аннотации к ней говорится, что автор «отходит от традиционных оценок этой полемики, считая их односторонними, поскольку они

²⁹ Локтионов М.В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. С. 109.

³⁰ Щёлоков О.В. РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1906—1911 гг.) // Исторические исследования. Сборник научных трудов. Вып. 2. Самара, 1998. С. 72—73.

³¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 145.

были политически или эмоционально ангажированными, и предлагает содержательный историко-философский анализ основных проблем, которые определили предметность спора между Богдановым и Лениным». В самой статье же «показывается, что, несмотря на формальную противоположность философских позиций Богданова и Ленина, в основных моментах они являются тождественными. Делается вывод, что критические замечания Ленина во многом повлияли на взгляды Богданова, пришедшего в итоге к мысли о “конце философии” и к необходимости замены философии наукой тектологией»³².

Но споры Ленина и Богданова вызывались не только различными оценками политической ситуации в России и перспектив революционного движения. Разные выводы делали они из уроков революции. Ленин считал необходимой централизованную партию, в которой все указания местным организациям раздаются из центра, сосредоточившего в себе партийных «мыслителей». Богданов же — как можно более широкое привлечение рабочих, причём в качестве не статистов, выполняющих указания центра, а сознательных сотрудников, будущих лидеров, способных прийти на смену отшатнувшейся и «выбитой» арестами, ссылками и эмиграцией партийной интеллигенции. Отсюда его ставка на партийную школу для рабочих, в которой ленинцы увидели угрозу своему руководящему положению. Показательно, что на III съезде РСДРП Ленин и Богданов выступили единым фронтом при обсуждении резолюции «Об отношениях рабочих и интеллигенции в социал-демократических организациях», в которой подчёркивались «сочувственное отношение» партии к «демократическому принципу организации» и необходимость «практических шагов к возможному осуществлению выборного начала» (её проект был представлен съезду в виде «резолюции тт. Ленина и Максимова»³³). В 1909 г. Ленин ополчился на Каприйскую школу как на предприятие «шайки авантюристов», «компании обиженных литераторов, непризнанных философов и осмеянных богостроителей, которая запрятала свою так наз[ываемую] “школу” от партии»³⁴.

Кроме того, выступление против философских воззрений Богданова было для Ленина важно в свете планировавшегося им сближения с Г.В. Плехановым для создания своего рода «фракции центра» (оформлена на «объединительном» пленуме ЦК в январе 1910 г.). Именно так впоследствии оценивал ленинскую книгу сам Богданов: «В 1909 г. он заключал союз с Плехановым, против “оппортунизма” которого раньше ожесточённо воевал, и, как залог этого союза, дал свою философскую книгу. Она была, в сущности, политическим действием, и критики — я в том числе — были, может быть, неправы, прилагая к ней научно-философскую мерку. Просто надо было пожертвовать старыми друзьями, чтобы закрепить связь с новыми; а чтобы заглушить поднимавшиеся в душе сомнения, понадобилось много, очень много страниц, цитат, имён, крика... средства самооглушения и самогипноза»³⁵.

Верный принципу не отделять личное от общественного, в феврале 1909 г. «на почве партийных разногласий» Ленин порвал личные отношения с А.А. Богдановым³⁶. Причём «личные и внешнетоварищеские отношения» он прервал,

³² Рыбас А.Е. К вопросу о забытой полемике (А.А. Богданов — В.И. Ленин) // Вестник СПбГУ. 2016. Вып. 1. С. 53.

³³ Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 326—327.

³⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 203.

³⁵ Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 97.

³⁶ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 462.

по мнению Богданова, без «партийно-обязательного в таких случаях предупреждения, письменного или через товарищей». Ввиду того, что это был первый случай такого рода, Богданов ограничился словесным заявлением Ленину о том, что считает его поступок некорректным. Остальных же товарищей «во избежание печальных недоразумений» он предупредил через Г.Е. Зиновьева, что «в случае, если бы подобная некорректность была бы кем-нибудь повторена, то он в тот момент чувствовал бы себя свободным от всяких товарищеских и общечеловеческих обычаев и норм в отношении к тому лицу»³⁷.

Богданов неоднократно возвращался в записных книжках к размышлениям о внутрифракционной борьбе 1909—1910 гг., трактуя её прежде всего как «борьбу за единое личное руководство». Полагая, что существовала «объективная неизбежность и реальная полезность этого некрасивого эпизода», он задавался вопросом: «Был ли “он” прав? Или другая сторона?» Ответ нетривиален и диалектичен: «Оба были правы объективно — в разном масштабе. В национально-партийном Б. являлся вредным революционером, подрывающим основы, в общечеловеческом — представителем высшего типа культуры». Богданов признавался, что «в то время к своему счастью не понимал этого (специального — за единол[ичное] руководство) смысла борьбы, иначе не уступил бы под первым предлогом, полагаясь на истину и будущее». Исходя из этой логики, Ленин «объективно прав: таков был уровень его стада, это была необходимость; и единичные, случайно развившиеся сильные индив[идуально]сти европ[ейского] типа не могли столько прибавить, сколько отнять, подрывая самим своим сущ[ествова]нием в организации её авторитарный тип связи — при его огранич[енном] образовании целые области “духа” его стада остались бы вне его контроля, под воздействием этих инд[ивидуально]стей. Отсюда попытка захватить и эти области, ребяческая, но через 10—15 лет имевшая успех, к[ото]рый свид[етельств]ует о поразительном умств[енном] рабстве (проф[ессо]ра цитир[уют] с благогов[ением] детскую книгу). Отн[ошение] к Мар[ксу] как показатель того, что суть была в инд[ивидуально]стях и компетентности»³⁸.

К сожалению, роль победившей в этом споре личности оказалась слишком велика в истории (а, может быть, если следовать логике Богданова, тенденции исторического развития сложились таким образом, что выдвинули на первый план и дали столько власти этой конкретной личности). Раскол, провозглашённый и организационно оформленный в июне 1909 г. решениями совещания расширенной редакции «Пролетария», не только не был разрушен или изжит, но, напротив, продолжал и в дальнейшем оказывать негативное влияние на жизнь большевистских партийных организаций.

³⁷ А.А. Богданов — Г.Е. Зиновьеву, 21 февраля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 155—156.

³⁸ РГАСПИ, ф. 259, оп. 1, д. 26, л. 44 об., 41, 36—36 об.